

Верность ума и чувства

(Из письма В. И. Качалову).

Пушкинское определение качеств Баратынского — поэта целиком, как мне кажется, приложимо к вашим качествам актера.

Однако в те годы, когда жили и творили Пушкин и Баратынский, эти качества «менее действовали на толпу», — по выражению Пушкина, — нежели преувеличение «модной поэзии», «критики изъяснили в отношении к Баратынскому или недобросовестное равнодушие или даже неприязненное расположение». «Из данных поэтов, — писал Пушкин в 1829 г., — Баратынский всех менее пользуется обычной благосклонностью журналов».

Вы, Василий Иванович, не можете пожаловаться ни на добросовестное равнодушие, ни на неприязненное расположение к вам ни со стороны рабочего зрителя, ни со стороны нашей советской критики.

Вы отлично знаете, Василий Иванович, что к вашим работам пролетариат относится не так, как те, которые в пушкинские времена поворачивались спиной к Баратынскому, отдавая предпочтение «экзажерации» так называемой «модной поэзии».

На этом сопоставлении судеб двух артистов с одинаковыми качествами (Баратынский и Качалов), но творивших для разных классов, яснее всего видно, какое счастье пришло к нам, артистам Страны Советов, вместе с величественными временами диктатуры пролетариата.

Что же это за качества, отмеченные Пушкиным в Баратынском — поэте, как те, которые не давали последнему успехов у широкой публики 20—30-х годов прошлого века, и отмечаемые нами в Качалове-актере, как те, которые (в дни нашей социалистической эры) приветствуют в вас и рабочий зритель, и театральная критика?

Вот они, эти качества:

«Верность ума, чувства, точность выражения, блус, ясность и стройность» (А. С. Пушкин).

Пусть еще ярче запылают цвет этих качеств и в вас, и во всех артистах советской сцены, да и на всем фронте нашей культуры — не только в области искусства, но и в области техники!

ВСЕВОЛОД МЕЙЕРХОЛЬД.

ЧАЩИЙ — В. И. Качалов.

СКРОМНОСТЬ АКТЕРА

Многим театральным работникам присущи черты самолюбования, хвастовства, желания быть на виду, впереди всех. Завидно отсутствие этих черт у В. И. Качалова! Более скромных требований на сцене нельзя себе и представить. Он обаятелен и внутренне благороден не только на сцене, но и во всей своей будничной жизни.

Я ни разу не забыл случая, когда бы Василий Иванович главной заботой ставил лучшую видимость его со всех мест зрительного зала, как этого требуют решительно все, часто в ущерб художественности спектакля. Однако, мало на ком так сосредоточено внимание зрителя, как на нем.

Многие, вопреки всякой логике, требуют большего освещения себя. У В. И. Качалова это всегда связано с общей художественной гармонией. Достаточно вспомнить захватывающую дыхание сцену из «Карамазовых», когда идет Иван Карамазов — Качалов, едва освещенный одной свечей.

Василий Иванович, при полном отсутствии в нем дешевого панибратства, неизменно мягок, внимателен, ласков, сдержан. Все это — пример высокоартистического отношения к сцене.

И. ГРЕМИСЛАВСКИЙ.

Один эпизод

У Василия Ивановича, о чем бы он ни говорил, все окрашено его богатой артистической индивидуальностью. Он не повторяет штампа, а создает новое, свое, качаловское.

Припоминается — один характерный для В. И. эпизод из его работы над внешним образом Вершинина («Бронепоезд»). Изготовленный первый грим он забраковал. Это был грим, немного повторявший облик сильного, красивого мужика, а Василию Ивановичу хотелось, чтобы Вершинин был здоровым, заросшим крестьянином, немного угловатым... Он обстоятельно обрисовал нам внутренне видимый им облик своего героя. Его желание мы воплотили в новый грим, который полностью удовлетворил требования актера.

— Грим должен подчеркивать все наиболее важное в характере героя, — такой, примерно, точки зрения придерживался Качалов. И в этих установках он бывает всегда строго последовательным.

Нам, гримерам, легко и приятно работать с Василием Ивановичем. Легко потому, что он всегда знает, что ему нужно от нас, при этом он облегчает нашу работу своими конкретными указаниями, чрезвычайно ценными и человечными.

Я, лично, знаю Василия Ивановича с 1900 года, с первых дней его работы в театре. Он тогда сразу же завоевал симпатии и доверие всех работников сцены. Более чуткого, отзывчивого, вежливого актера трудно найти. Его работа в театре имеет не только огромное художественное значение, но и воспитательное. Все, кто соприкасается с этим исключительным по обаянию артистом, воспринимают от него ту высокую человечность, которой пронизана его жизнь и творчество.

М. Г. ФАЛЕЕВ.

МОИ ПЕРВЫЕ ШАГИ НА СЦЕНЕ

□ □ □

Продолжение
Начало см. на 2-й стр.

□ □ □

роде закрытого — без публики — дебюта, чтобы решить, как лучше и на какие роли меня использовать.

Я согласился и предложил показаться в двух ролях в «Смерти Иоанна Грозного»: сыграть в одной сцене Годунова, а в другой — Грозного. Так как обе роли были мною играны в Казани, то я заявил, что мне не понадобится больше двух — трех репетиций — только бы сговориться с новыми партнерами о местах. Конечно, на репетициях я собрался только «пробормотать» про себя роль, как это делали в других театрах «настоящие» актеры, не давая никакой игры, а уже «заиграть» всю на самом дебюте. В этом заключался актерский «шник».

На первой же репетиции я потерял этот шник. Когда все кругом, даже исполнители самых ничтожных ролей, сразу заиграли во весь темперамент, загорелись, заволновались, зажили новой жизнью, преобразились в каких-то

других людей, я уже не мог по-гастро-лерски бормотать и тоже «заиграл». И сразу же сам почувствовал, сам услышал, что это выходит у меня совсем «из другой оперы».

Насколько они были просты и естественны, настолько я ходулен и декламационно напыщен.

Я растерялся и заволновался, но все-таки овладел собой и пустился на хитрость, чтобы скрыть свой конфуз: в чему-то придирался, чтобы прекратить свою игру, и дальше уже «забормотал» роль про себя — не хочу, мол, репетировать во-всю...

Жадно следил — следил за интонациями артистов Художественного театра, ловил их жесты, такие необычные, не актерские, такие характерные.

Все они показались мне замечательными актерами; чем меньше и значительнее была роль, тем больше казался ее исполнитель. Я помню, что к исполнителю самой маленькой роли (боярин в Думе, три — четыре строки — вся роль), к громадному босому детине с наивным лицом, Баранову, я почувствовал что-то в роде благоговения: так необыкновенно сочно, красочно, широко прозвучала его интонация, такие широкие, богатырские были его взмахи руб, так живописно сидел он, расставив как-то по-звериному свои ноги.

Я ушел с репетиции ошеломленный, и на второй и на третьей репетиции повторилось такое же мучение.

Понятно, как волновался я в вечере дебюта. Конечно, собралась вся труппа, вся контора, даже капельдинеры, жеманые актеры, близкие друзья театра. Я сыграл сначала Годунова в первой картине, потом перепригравался и сыграл Грозного — вторую картину. Помню, что собой владел. Помню, что решил играть «честно», так как я играл бы в милой Казани, где меня любили в этих ролях.

Но радости в душе не было, веры в то, что это хорошо, что так нужно играть, — ее не было. Уже была душа отравлена какой-то новой правдой.

Отыграл. Стал разгримировываться. Пришел в уборную Станиславский с очаровательной улыбкой, застенчивый и конфузливый, как всегда, когда он не в работе, когда он не учит, не доказывает, не показывает.

«Пожадуйте, отдыхайте, разгримировывайтесь, раздевайтесь. Я подожду».

Слова были простые, тон спокойный, ласковый. Но в этот именно момент я уже знал, что оценка моего «дебюта» будет беспощадной.

Б. С. Станиславский долго молчал, пока я раздевался, пока не ушли парикмахер и портной. Наконец, очевид-

но, собравшись с духом, он начал говорить.

Смысл его слов был тот, что дебют показал, насколько мы чужие друг другу люди. Мы настолько говорим на разных языках, что он даже не считает возможным впасть в подробности и объяснить мне в чем тут дело, потому что сейчас я еще не смогу этого понять.

— Вы простите меня, — он встал, улыбнулся, конфузился, — простите меня, но я не ожидал, чтобы за какие-нибудь три года, как вы на сцене, можно было приобрести столько дурного и так укрепиться в нем.

И вся беда была в том, что он считал безнадежной даже попытку объяснить мне это мое дурное. «Только с годами я это пойму»...

— В том виде, какой вы сейчас из себя представляете, как актер, к сожалению, мы воспользоваться вами не можем. Поручить вам какие-либо роли, конечно, невозможно, но мне лично будет очень жаль, если вы от нас уйдете, потому что у вас исключительные данные, и, может быть, со временем вы сделаетесь нашим актером, — сказал он мне в заключение.

Почти то же самое, только в более мягких выражениях, мне сказал на

(Окончание на 4-й стр.)